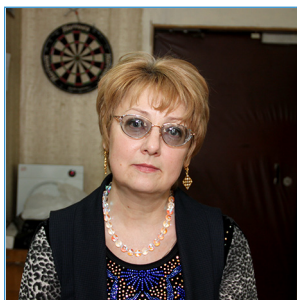

П у б л и ч н а я с ф е р а как фактор формирования общественного сознания

Г р а ж д а н с к о е о б щ е с т в о и г р а ж д а н с к о е с о з н а н и е (ценностно-мотивационный аспект)

Никовская Лариса Игоревна – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела анализа социально-политических процессов, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: nikovsky@inbox.ru

Гражданское общество и гражданское сознание (ценностно-мотивационный аспект)

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы становления гражданского общества и гражданского сознания в новых условиях, связанных с усилением горизонтальных связей и сетевых технологий коммуникации. Показано, что если подходить к анализу многосторонних и противоречивых процессов общественно-политической трансформации в России с позиции интересов гражданского общества, то можно определенно сказать, что в нынешних условиях оно демонстрирует тренд постепенного перехода от фактора политической модернизации к превращению в один из ее субъектов. При этом в процессе своего развития оно начинает выступать в качестве своеобразного «индикатора» качества институциональной среды политической системы, показывая насколько глубоко и органично в ней представлено демократическое начало. На первый план начинают выходить проблемы формирования культуры гражданского действия, гражданственности, гражданского самосознания. Особый акцент делается на анализ ценностно-мотивационной составляющей, позволяющей проследить изменения в формировании гражданского участия и оценить качество и ценностную направленность гражданского активизма. Опираясь на вторичный анализ социологических данных различных масштабных социологических исследований, показано, что формирование гражданского сознания коррелирует с процессом становления среднего класса, поколенческими сдвигами, улучшением качества человеческого и социального капитала. В целом качество гражданского сознания отличается противоречивостью и амбивалентностью, что отражает всю противоречивую палитру условий формирования гражданского общества в современной России.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданское сознание, гражданственность, трансформация, публичная политика, демократические институты, власть, сетевое общество

Гражданское общество выступает пространством формирования тех социально-политических сил, которые сегодня выдвигают «снизу» общественный запрос на полноценную реформу политической системы на основе открытости и соревновательности, реального развития принципов демократии. Гражданское общество заключается в том, «что граждане в качестве индивидов и в своих институциональных связях (семьи, соседские сообщества, предприятия, клубы, объе-

динения, гражданские движения) *берут решение своих дел в собственные руки*, насколько это возможно. Частично это происходит посредством политического участия, партиципаторной демократии, частично же посредством возвращения обществу государственных задач, которое можно назвать ресоциализацией государства или деэтактизацией общества» [Хеффе 2007: 96].

Гражданское общество можно рассматривать как основу становления демократических институтов, поскольку оно само несёт энергию общественной самодеятельности; как сферу структурирования многообразных общественных интересов; как определённую характеристику состояния всего общества, свидетельствующей о степени его цивилизованности. На первый план выходит проблема гражданственности, культуры гражданина: как соотносятся личность и группа, личность и государство, общество и власть, основаны ли эти отношения на доверии, сотрудничестве, солидарности, ответственности и автономии. Совокупность этих слагаемых раскрывает зрелость демократических принципов, характер власти, масштаб влияния гражданского общества на власть.

Акцент на проблему гражданственности в этом смысле показывает, что гражданское общество есть серьёзный ресурс развития, определённый социальный институт, обеспечивающий управляемость на уровне самоорганизации за счёт преодоления антагонизма власти и общества. Неспособность государства в целом и чиновничества в частности воспользоваться гражданской активностью людей, игнорирование ими гражданственности неоднократно становилось одной из важнейших причин кризисов управляемости в истории российского общества, включая современный период. *Гражданственность* можно определить как некий общественный институт, представляющий совокупность интериоризованных социальных ролей, норм, ценностей, регулирующих взаимоотношения людей друг с другом и с властными структурами в обществе, основанном на коммунитарных принципах – а) в процессе самоорганизации; б) на основе индивидуальной инициативы, связанной со способностью брать на себя ответственность за проблемную ситуацию в обществе в сфере своего социального влияния; в) при условии легитимации этой инициативы авторитетом власти или носителем альтернативной легитимации в ситуации мировоззренческого раскола общества; г) при поддержке социальными ожиданиями общества (сообщества). Из этого следует, что институт *гражданственности* состоит из трёх составляющих элементов:

1. *Индивидуума*, проявляющего гражданственность, т. е. готовность взять на себя ответственность за проблемную ситуацию в сфере своего социально-политического влияния в интересах общего блага, а не частного или корпоративного;

Гражданское общество выступает пространством формирования тех социально-политических сил, которые сегодня выдвигают «снизу» общественный запрос на полноценную реформу политической системы на основе открытости и соревновательности, реального развития принципов демократии.

Гражданское общество есть серьёзный ресурс развития, определённый социальный институт, обеспечивающий управляемость на уровне самоорганизации за счёт преодоления антагонизма власти и общества.

2. *Властных институтов* в лице своих представителей, которые либо отрицают инициативу, либо поддерживают её, делегируя инициатору легитимность, властные полномочия и ресурсы, необходимые для осуществления инициативы;

3. *Социального окружения* (общество, сообщество, народ), формирующего общественное мнение и социальное ожидание, оценивающего общественную значимость гражданской инициативы и в случае высокой оценки ожидающего от власти доброжелательной поддержки инициатора (драйвера инициативы), признающего легитимность его нового статуса и его новые властные возможности и права.

Если власть не оправдывает ожиданий, то общественное мнение признаёт её несправедливой, не заботящейся об общем благе и в конечном счёте антинародной, антиобщественной. Напротив, если общественное мнение не признаёт за гражданской инициативой общей полезности в достаточно высокой степени и, более того, подозревает в ней частный интерес инициатора, оно не требует от власти встречных одобрительных действий и высказывает в целом отрицательную позицию. И гражданское общество, и гражданственность, как видно, имеют общие, сходные черты. И то, и другое есть отношение людей в процессе самоорганизации по поводу решения социально-значимых проблем с привлечением властных органов или без них. Но есть и различия. Если в основе гражданского общества лежит субсидиарная идеология, основанная на примате частных, партиципативных интересов, то условием существования гражданственности является доминирование в обществе коммунитарной идеологии. В данном случае под последним понимается представление о том, что частные интересы граждан легитимны постольку, поскольку они не идут вразрез с общими интересами. А общие интересы выражаются в определённой системе общепринятых ценностей, норм, идеалов, служащих развитию общества в направлении повышения качества его благосостояния, свободы, самореализации личности в определённом социально-историческом контексте.

Существенные изменения в среде гражданского общества и проявления гражданственности внесли так называемые сетевые технологии. На глазах происходит реформирование активности внутри гражданского общества, формирование автономных сетевых, в том числе блоггер-сообществ, активизация в поле публичной политики НКО-сектора, сопровождаемое и ускоряемое появлением новых нравственно-политических норм и образцов поведения.

Возрастание роли гражданского активизма (появление всё более расширяющегося движения волонтеров, среди которых вырос сегмент наблюдателей за выборами, сферой ЖКХ, общественного контроля и пр.; нарастание разнообразия «дви-

Существенные изменения в среде гражданского общества и проявления гражданственности внесли так называемые сетевые технологии. Происходит реформирование активности внутри гражданского общества, формирование автономных сетевых, в том числе блоггер-сообществ, активизация в поле публичной политики НКО-сектора.

жений одной проблемы» – «Обманутые дольщики», «Синие ведёрки» и пр.) выступило индикатором формирующейся новой природы власти в сложном сетевом обществе, которая, скорее, должна являться не *администратором*, а *координатором* общественных взаимодействий. Государственная власть и властные структуры не просто встраиваются в систему современного сетевого общества, но приобретают характер хотя и *значимого*, но лишь *одного из центров* координации общественных взаимодействий.

Растущая роль сетевых сообществ, новых возможностей сетевой коммуникации, усиление фактора «горизонтального доверия» сетевой мобилизации стали основой формирования так называемой «политики оспаривания» как проявления несогласованности властных и публичных пространств по критериям понимания политических ценностей и вектора общественных изменений. Данная политика склонна использовать непосредственные формы демократии и направлена против «посредничества» и репрезентации интересов [McAdam, Tarrow, Tilly 2001]. Основной потенциал данного феномена – в новой форме постоянного общественного аудита деятельности государства и его органов и координационной активности по определению и реализации публичных ценностей.

Информационно-коммуникационные процессы начали работать в роли несущей конструкции, обеспечивающей согласование интересов и позиций, снятие зон напряжения или противоречий и выступающей, таким образом, средством действенного перевода протоконфликта, имманентно присущего отношениям государства и гражданского общества, от полюса конфронтации к полюсу сотрудничества, кооперации усилий. Публичность и открытость коммуникационных процессов позволяет избавить взаимоотношения двух субъектов от недостатков закрытого корпоративизма и наполнить диалог живыми соками гражданственности. Это, бесспорно, потребует совершенно новой модели государственной службы, которая сегодня обозначается как модель открытой, прозрачной, «отзывчивой» бюрократии. Как утверждает М. Кастельс, человечество стоит на пороге исторического сдвига в области публичной политики – от институциональной сферы к сфере, формирующейся на основе сетей горизонтальной коммуникации. Социальные сети, на которые полагаются современные адепты прямой демократии, безусловно, дают гражданам большую власть над политикой правительства. Свой потенциал они, в частности, продемонстрировали в ходе арабских революций [Абдуллин 2001]¹. И не только. По мнению наблюдателей,

¹ По свидетельству одного из активных участников событий в Египте, «ключом к успеху революции стал тот факт, что мы все оказались связаны – через интернет, Facebook, по сотовым телефонам. Это была революция, основанная на коммуникации».

социальные сети и сотовые технологии сыграли огромную роль в организации массовых беспорядков в Лондоне и других городах в августе 2011 г. Их участники использовали Facebook, Twitter, а также систему мгновенного обмена сообщениями, и не только для координирования своих действий, но и для призывов к погромам. Однако вопрос, чему больше способствуют социальные сети – интеграции общества и формированию политического консенсуса или же его поляризации, – не имеет однозначного ответа.

Концепция *делиберативной демократии* Ю. Хабермаса в её веб-версии (*Online Deliberative Democracy*) стала своего рода компромиссом между растущими требованиями большего участия граждан в принятии решений и необходимостью минимизировать политические риски принятия некомпетентных решений посредством механизмов прямой демократии. Она не отвергает институты представительной демократии, а имеет своей целью их обновление и адаптацию к меняющемуся обществу, повышение публичности политики, достижение социальной интеграции через *информирование, консультирование, участие* граждан.

По мнению Г. Эрмэ [Эрме 1991: 181], *гражданственность* опирается на систему ценностей, на нравственную убежденность, дающую этой системе смысл и значение, потому что демократический дух не может сводиться к простому подсчёту выгод. Система гражданских ценностей является побудительным мотивом гражданской деятельности, эти ценности воплощаются в систему практических установок и ориентации. Думается, совокупность ценностей, идеалов, норм, реализующих представление о типе и способах укоренения демократических практик и образцов в жизни общества, можно обозначить как гражданское сознание. По утверждению Р. Арона [Арон 1993: 159], гражданское сознание, возвышаясь над интересами отдельных групп, индивидов, отстаивает интересы всего общества, так как всегда направлено в сторону общечеловеческих ценностей, интегральной цели выживания и развития человечества. В этом же русле рассуждает и М. К. Мамардашвили [Мамардашвили 1997: 87] о «поднятии своего сознания до служения жизни на Земле, своему государству, своему народу, опираясь на незыблемые ценности».

Гражданское сознание, во-первых, представляет собой осознание существующих отношений между обществом, человеком и государством с точки зрения демократических ценностей, идеалов, прав и свобод, регламентируемых принятыми в обществе, государстве принципами и нормами. Гражданское сознание выражает определённое духовное состояние общества на таком этапе его развития, когда демократические нормы и ценности становятся фундаментальными основами его жизнедеятельности.

Во-вторых, гражданское сознание выступает активным фактором общественных преобразований. Оно является ускорителем всего общественного развития, системы самосознания и жизнеобеспечения общества, становится механизмом самоизменения общества, так как связано с представлениями людей, побуждающими их к активному гражданскому действию. Гражданское сознание задаёт определённую духовно-ценностную основу общественного развития и способствует укреплению сообщества. В гражданском обществе гражданские ценности вплетены в механизм управления обществом и регулируют его функционирование.

В-третьих, гражданское сознание носит открытый характер и отличается постоянной готовностью к восприятию новых идей. Однако новые элементы включаются в его содержание достаточно медленно, постепенно, лишь доказав свою органичность и жизнеспособность для конкретной социально-политической системы. Для изменения гражданского сознания необходимо накопление культурных «мутаций», создающих непрерывное давление на сознание в целом и способствующих выработке новых форм восприятия действительности. Как отмечает Г. Г. Дилигенский, можно коренным образом изменить политику и даже осуществить революционные изменения в отношениях собственности, но нельзя так же быстро изменить основополагающие убеждения и ценности людей [Дилигенский 1999: 66].

В-четвёртых, гражданское сознание развивается своеобразно, меняя своё содержание, опираясь на универсальные образцы и традиции. Важнейшую роль в нём играют устойчивые элементы, которые присутствуют в различных моделях общественной и политической жизни. Исторический опыт, традиции, устой общества являются тем сдерживающим фактором, который не допускает резких изменений в гражданском сознании. Именно на их основе происходит постепенное накопление нового опыта, который с течением времени прочно входит в гражданское сознание.

Серьёзную социологическую задачу представляет собой проблема эмпирически зафиксировать выраженность и качество гражданского сознания. Попыткой выделить гражданский срез общественного сознания как своего рода мировоззренческий синдром предприняли исследователи ФОМ [Петренко, Галицкая, Галицкий 2011]. Опираясь на мегаопросы в 2009, 2011 гг. о доверии между людьми, о солидарности, личной ответственности, благотворительности, толерантности, готовности к протестам, локусе ответственности, а затем препарировав их на основе анализа методом главных компонент, процедуры преобразования осей полученного пространства, иерархической кластеризации, кластеризации методом K-means и метода Exhaustive CHAID из группы Classification Tree, были выделены

5 типов мировоззренческих синдромов – *гражданский, обывательский, патерналистский, индивидуалистический, депривированный*. Гражданский синдром отличается оптимальным соотношением ориентаций на солидарность, доверие и ответственность в сознании и поведении граждан. Во всех остальных этого оптимума не наблюдалось. Что касается депривированного среза мировоззрения, то в нём отсутствовали и ответственность, и солидарность, и доверие. Гражданский срез сознания достаточно невысок – он представляет в целом до 10% (в среднем по всему массиву общественного сознания). Он широко представлен в практике нового среднего класса – причём более в middle-среднем классе, представители которого не находятся на стадии начала реализации своей профессии. Они подходят к пику своей профессиональной карьеры. Как правило, это представители деловых слоёв крупных городов-миллиоников или мегаполисов – Москвы, Санкт-Петербурга. Им не больше 45 лет (75%), заняты на должностях руководителей (24%) и специалистов (34%). Материальная обеспеченность семьи – выше среднего (59%). Пользуются в своей жизни практически всеми благами цивилизации. Главное отличие их стиля жизни от остальных – вояжи за границу (100%). Интернет для них – рабочий инструмент, сфера услуг, справочник и СМИ. Большая часть из них (78%) владеют хотя бы одним иностранным языком. Важными и позитивными среди исторических событий 1985–1999 гг. они называют вывод войск из Афганистана (41%), перестройку (36%), президентские выборы 1991 г. (33%), принятие Конституции РФ (30%) и Декларации независимости РФ (28%). Они заметно чаще других (43%) на прямой вопрос отвечали, что перестройка принесла России больше хорошего, чем плохого. Свойства гражданского сознания у них выражены более всего: 21% (против 17 в среднем) считают, что «большинству людей можно доверять»; 19% (против 11) – «что у нас больше сплочённости, чем разобщённости»; 54% (против 43) «чувствуют ответственность за происходящее в городе», 40% (против 33) – «за происходящее в стране». Каждому пятому из них (19%) свойственен (как минимум декларативный) *политический консьюмеризм* – отказ от покупки товаров из той или иной страны по политическим мотивам.

Думается, на активацию гражданского сознания существенно влияют переломные эпохи и кризисные точки в развитии общества. Так, полученные данные ФОМ [Петренко, Галицкий, Галицкая 2011] по опросам в 2010 г., после первой волны финансово-экономического кризиса, показали, как отреагировали на них различные паттерны общественного сознания, выделенные по критерию *гражданственности*. *Гражданский срез усилился* (солидарность, ответственность, активность) с 8% в 2009 г. до 10% – в 2010 г.; соответственно, *патерналистский* (солидарность, отсутствие ответственно-

сти и активности) продемонстрировал падение с 12 до 7%. **Обывательский**¹ (отсутствие солидарности и ответственности, но выраженная активность) продемонстрировал снижение своего значения с 31 до 20%; **индивидуалистский** (отсутствие солидарности, но выраженная ответственность, активность) возрос с 13 до 17%; **депривированный** (отсутствие и солидарности, и ответственности, и активности) стал более выраженным – с 27 до 35%. Косвенным подтверждением корреляции развития гражданского сознания с ростом параметров среднего класса являются результаты системного исследования Центра стратегических разработок [Аналитический доклад 2010] характеристик положения среднего класса в рентоориентированной экономике.

Как позднее подтвердила сама реальность, главными участниками массовых протестных акций в 2011–12 гг. были представители формирующегося городского среднего класса, условно говоря, «новые правые». Серьёзные проблемы с коррупцией в реализации права на недвижимость, закрытость и коррумпированность судов, подвели средний класс крупных мегаполисов к протестам, поскольку без развития внутривнутриполитической конкуренции возможности для улучшения защиты прав собственности граждан представляются ограниченными. Представители среднего класса, научившись хорошо зарабатывать в силу обладания высокими параметрами человеческого капитала, были не удовлетворены институциональной средой своей самореализации. Именно они деактуализируют идею стабильности саму по себе, без горизонтов развития и самореализации.

Мобилизации представителей новых групп российского общества способствует стремительное распространение сетевых технологий и коммуникаций. «Именно в крупных и крупнейших городах концентрируются 35 млн российских пользователей интернета и российский средний класс, который хочет перемен. Его активность обусловлена не надвигающимся кризисом, а пугающей перспективой многолетнего путинского застоя с заржавевшими социальными лифтами» [Зубаревич 2011]. Появление в составе среднего класса новых поколений, которые не ведают страха, более образованы и открыты современному миру, включены в сетевые коммуникации, создаёт мощный запрос на новые стандарты политической свободы, которые ни один политический режим не может игнорировать. Однако средний класс в России лишён политической базы, которая бы позволяла его представителям активно проявлять гражданскую и политическую позицию. Как показали наши исследования, за прошедшие годы средний класс накопил зна-

¹ Именно обывательский синдром лежит в основе высоких рейтингов (личностных) доверия президенту, премьер-министру и низких (институциональных) – правительству (институту, возглавляемому премьер-министром).

чительный критический потенциал отношения к институтам публичной политики как к пространству социально-экономической, и социально-политической активности [Никовская, Якимец 2013: 77]. Самой чувствительной точкой мобилизации представителей этого класса выступают прежде всего проблемы коррупции, фальсификация обратных связей, неработоспособность судебной системы, отсутствие надёжной защиты института частной собственности и разрушение каналов системного представительства своих интересов. Это подтверждают исследования Е. Б. Шестопал: происходит локализация протестного движения в разных сегментах политического поля [Шестопал 2013: 61]. Можно видеть, как резко возрос правый, либеральный сегмент, объединяющий образованный средний класс. Его недовольство выражается прежде всего в стремлении получить большее политическое представительство. Недовольство властью этой части общества вызвано скорее рациональными интересами, чем эмоциями. В этом сегменте общества впервые за многие годы стал настойчиво звучать тезис о неэффективности власти. Большая часть гражданского общества пока вполне лояльна к власти, хотя она тоже недовольна, но в первую очередь ждёт от власти справедливости, и её требования носят скорее морально-нравственный, нежели политический характер. Эти люди готовы подчиняться, готовы выполнять законы, и для них государственность является наивысшей ценностью при условии, что власть справедлива и отзывчива. Но есть третий сегмент, который, как «ящик Пандоры», пока пребывает в латентном состоянии и лишь эпизодически даёт о себе знать то выступлениями на Манежной площади, то в Кондопоге и Сагре, то в Бирюлёве, – это радикальный национализм разного толка. Их протест основан не на интересах, а на эмоциях, причём психологически весьма ярких и привлекательных для массы населения, которое пока сохраняет лояльность к власти.

Показательно, что на сегодняшний день, судя по последним данным Института социологии РАН [Петухов, Бараш, Седова, Петухов 2014: 11], мы имеем возросший уровень ценности гражданско-политического участия: возросла готовность участвовать не только в выборах (более чем на 20% по сравнению с 2010 г.), но и в таких формах, как митинги (с 13% в 2010 г. до 22% в 2013 г.) и забастовки (с 10 до 16%). Последний показатель также достиг своего исторического пика с 1993 г.

Второй важный сдвиг в системе общественного сознания – рост либеральных настроений в обществе за последние годы. Примечательно, что ни одна политическая идеология не получила такого роста сторонников за 2011–12 г., как либералы. Если посмотреть предыдущие замеры, то они достигли своего исторического максимума – с 7% в 2003 г. до 20,4% в 2013 г. Левый спектр взглядов (социалисты, коммунисты) составляет в целом 16,9%.

Одной из причин роста ценности гражданского участия, щепетильности к демократической процедуре и в целом к социальному активизму стал приход в политику так называемого поколения «нулевых» – людей, чья политическая социализация пришлась на бурные 1990-е гг. и чья картина мира сформировалась в период демократической трансформации. С одной стороны, у этого поколения представления о политике сложились под влиянием официальной демократической риторики, которую они усвоили изначально, с другой – эта официальная картинка не очень стыковалась с реальными политическими практиками. Такой когнитивный диссонанс подталкивает это поколение к протесту. Именно эти люди вышли на площади (Болотную и Сахарова), они голосовали за Навального и Ройзмана, и, хотя они не определяют лицо всей российской политики, их присутствие изменило политический ландшафт, который сегодня выглядит не так, как это было ещё несколько лет назад.

Начало электорального цикла, связанного с выборами в Государственную думу VI созыва, а затем президента РФ Путина В. В. (2012 г.), стало поворотным моментом, когда, с одной стороны, власти удалось сохранить политическую систему, а с другой – её изменить, запустить процесс реформ под давлением требований общества. Думается, этот процесс не завершён. Начавшиеся политические реформы (либерализация партийно-избирательного законодательства, включение в более активный формат сил Общероссийского Фронта, развитие форм прямой демократии в сопряжении с усилением проявлений вождистко-плебисцитарной демократии, ситуация с воссоединением Крыма и гражданской войны на Юго-Востоке Украины, рост военно-патриотической составляющей общественного сознания, которое существенно повлияет на трансформацию националистического сегмента гражданского общества в стране и в целом на усиление разрыва с либеральной оппозицией, т. к. общество в своём большинстве не простило ей предательство интересов России по вопросу воссоединения Крыма и реакции на давление «евроатлантистов») будут серьёзным образом влиять на развитие гражданского сознания в нынешних условиях. Представляется, следует ожидать усиления раскола по линии национал-патриотического, традиционалистского и либерально-западнического сегментов общественного сознания.

Несомненно одно – *политическая* составляющая гражданского активизма будет сокращаться. Этот процесс начался не сегодня. В целом в 2010 г. наметилась тенденция перераспределения центра тяжести гражданской активности от политических партий в сторону неполитических общественных объединений прежде всего некоммерческого сектора. Это обусловлено снижением эффективности функционирования

Одной из причин роста ценности гражданского участия, щепетильности к демократической процедуре и в целом к социальному активизму стал приход в политику так называемого поколения «нулевых» – людей, чья политическая социализация пришлась на бурные 1990-е гг. и чья картина мира сформировалась в период демократической трансформации.

государственных органов на местах, ответственных за чёткую и бесперебойную систему жизнеобеспечения. А поскольку жизнь не терпит пустоты, активность граждан автоматически сосредоточилась на восполнении этого пробела. Таким образом, естественным путём начало складываться государственно-общественное партнёрство в решении повседневных задач, которое пока ещё плохо осознаётся государством, но уже хорошо понятно обществу [Доклад о состоянии гражданского общества... 2010: 10]. В 2010 г. законодательно была закреплена новая институциональная форма социально ориентированных НКО (далее СО НКО). Для её реализации начала действовать Федеральная программа поддержки СО НКО, на что в федеральном бюджете в 2011 г. было заложено 800 млн рублей. В 2013 г. на эти цели было уже выделено 1,5 млрд рублей. Данная Федеральная программа способствовала, во-первых, обеспечению формирования экономических предпосылок развития НКО, предусматривая не только рост прямого государственного финансирования их деятельности, но и формирование необходимых условий для ускоренного развития некоммерческого сектора. А это существенно расширяет возможности по привлечению в НКО добровольцев и волонтеров, благотворительных пожертвований, обеспечению доступа НКО к государственному бюджетному финансированию социальных программ, которые сейчас практически в полном объёме достаются бюджетным учреждениям. Вторая важнейшая задача – использование потенциала НКО в решении социальных проблем, которые до сих пор недостаточно эффективно решались вследствие недоиспользования потенциала организаций некоммерческого сектора. В 2014 г. СО НКО фактически приступили к разработке программ по формированию независимой общественной экспертизы эффективности деятельности органов социальной сферы. Формируется «дорожная карта» перераспределения оказания части социальных услуг представителями некоммерческого сектора.

Гражданское общество развивается, равно как и его культура. Однако за последние 2–3 года мы имеем некоторое ужесточение внешнего контекста развития гражданского общества в стране, нарастание его амбивалентности: был принят целый пакет законов на федеральном уровне, которые имеют как **позитивный** (программа поддержки СО НКО в развитие федерального закона № 40, введение института бизнес-омбудсмена и распространение института омбудсмена на все субъекты федерации, появление института открытого правительства, упрощение правил регистрации политических партий и общественных движений, частичное изменение выборного законодательства, введение института выборов губернаторов, перераспределение финансовых полномочий между государством и муниципалитетами, создание НСОК социальных услуг), так и **насторажи-**

Несомненно одно – *политическая* составляющая гражданского активизма будет сокращаться. Этот процесс начался не сегодня. В целом в 2010 г. наметилась тенденция перераспределения центра тяжести гражданской активности от политических партий в сторону неполитических общественных объединений прежде всего некоммерческого сектора.

вающий для общества характер: введение понятия «иностранного агента» для НКО, частично финансируемых из-за рубежа, ужесточение законодательства о митингах, возвращение статьи «наказание за клевету» в УК РФ, ужесточение контроля деятельности интернета, а также повышение тарифов ЖКХ при сохранении непрозрачности деятельности этой сферы, кабальное удвоение страховых взносов для ИП и малого бизнеса и пр. Очевидно, что вышеупомянутые изменения имеют противоречивый характер и могут привести к самым разнообразным последствиям. В этих условиях особенно важным становится институт публичной политики с эффективно работающими каналами *обратной связи*, позволяющими власти своевременно улавливать тенденции развития общественных процессов, производить коррекцию управленческих решений, канализировать накопившееся общественное напряжение, а населению – верить в дееспособность института представительства интересов, в право и возможность влияния на принятие социально значимых решений [Никовская, Якимец 2014: 5].

Если подходить к анализу многосторонних и противоречивых процессов общественно-политической трансформации в России именно с позиции интересов субъектов гражданского общества, то можно определённо сказать, что в нынешних условиях гражданское общество демонстрирует тренд перехода от фактора политической модернизации к превращению в один из её субъектов. При этом в процессе своего развития оно начинает выступать в качестве своеобразного «индикатора» качества институциональной среды политической системы, показывая, насколько глубоко и органично в ней представлено демократическое начало.

Гражданское общество сегодня – не то же самое явление, что было двадцать лет назад. Это не «общественная самодеятельность», у него сегодня другой облик, другие возможности, технологии, другой уровень профессионализма и качество активности. Радикально переменились практически все виды коммуникационных, политических и других отношений. Резко возросло влияние независимых научных, исследовательских и иных экспертных структур на политику и экономику. Интернет стал массовым демократическим СМИ гражданского общества. Можно говорить о формировании нового (*третьего*) сектора гражданского общества, вполне конкурентоспособного наравне с аппаратно-бюрократическими силами по своим организационным, профессиональным и научно-технологическим критериям. Главная задача, которую ставят сегодня перед собой многие организации современного гражданского общества в России – контролировать действия правящей государственной бюрократии и влиять посредством своей гражданской экспертизы и контроля на функционирование государственной «вертикали власти».

В нынешних условиях гражданское общество демонстрирует тренд перехода от фактора политической модернизации к превращению в один из её субъектов.

Выходя из недр тоталитарного общества, современное демократическое общественное сознание находится только в начале пути своего формирования, что отражается и на состоянии гражданского сознания, его амбивалентности и противоречивости.

Состояние гражданского сознания отражает всю противоречивую палитру условий формирования гражданского общества в современной России, диффузность представленности в нём демократических ценностей и практик. Отсюда вывод: выходя из недр тоталитарного общества, современное демократическое общественное сознание находится только в начале пути своего формирования, что отражается и на состоянии гражданского сознания, его амбивалентности и противоречивости.

Библиографический список

Абдуллин Р. Арабская революция 2.0. 2011 // Московский комсомолец. 4 мая. Официальный сайт МК URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2011/05/03/586094-arabskaya-revolyuetsiya-20.html> [Дата посещения: 12.09. 2013].

Аналитический доклад Центра стратегических разработок «Средний класс в рентоориентированной экономике: почему Москва перестала быть Россией?». 2010.

Арон Р. 1993. Демократия и тоталитаризм / Пер. с фр. Г. И. Семёнова. М.: Текст. 303 с.

Петухов В., Бараш Р., Седова Н., Петухов Р. 2014. Гражданский активизм в России: ценности и формы участия // Власть. № 9. С. 11–19.

Дилигенский Г. Г. 1999. Дифференциация или фрагментация? (О политическом сознании в России) // Мировая экономика и международные отношения. № 10. С. 66–87.

Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2010 год. М.: ОП РФ, 2010. 82 с.

Зубаревич Н. Н. 2011. Четыре России // Официальный сайт Московского Центра политического просвещения. URL: <http://www.msps.ru/article/8546> [Дата посещения: 21.04.2014]

Мамардашвили М.К. Пятигорский А.М. 1997 Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке и языке. М.: Школа «Языки русской культуры». 224 с.

Никовская Л. И., Якимец В. Н. 2013. Оценка деятельности институтов публичной политики в России // Политические исследования. № 5. С. 77–87.

Никовская Л. И., Якимец В. Н. 2014. Повышение культуры публичной политики – вызов для демократического развития России // Власть. № 9. С. 4–10.

Петренко Е. С., Галицкая Е. Г., Галицкий Е. Б. 2011. Диагностика гражданского климата российских регионов // Веб-сайт Высшей школы экономики. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/04/11/1210529570/Петренко.pdf> [Дата посещения: 29.01.2014].

Петренко Е. С., Галицкий Е. Б., Галицкая Е. Г. 2011. Потребительские стратегии российских граждан // Веб-сайт Высшей школы экономики. URL: <http://publications.hse.ru/chapters/92271410> [Дата посещения: 5.06.2014].

Хеффе О. 2007. Справедливость: философское введение. М.: Праксис. 192 с.

Шестопад Е. Б. 2014. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегии развития страны // Политические исследования. № 2. С. 61–72.

Эрме Г. 1991. Авторитаризм // Политология вчера и сегодня. Хрестоматия. URL: http://www.tinlib.ru/politika/politologija_hrestomatija/index.php [Дата посещения: 06.05.2014].

McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch. 2001. Dynamics of Contention. Cambridge: Cambridge University Press. 432 p.

Civil Society and Civic Consciousness (Value-Motivational Aspect)

Nikovskaya Larisa Igorevna

Doctor of sociology, senior researcher of the Institute of Sociology of Russian Academy of Science, Moscow, Russia. E-mail: nikovsky@inbox.ru

Abstract. The article considers the problem of formation of civil society and citizenship in the new conditions related to strengthening horizontal linkages and network communication technologies. It is shown that if we approach the analysis of multilateral and contradictory processes of social and political transformation in Russia from the perspective of interests of civil society, we can definitely say that in the current conditions, it shows a trend of gradual transition from the factor of political modernization to transform into one of its subjects. In the process of its development, it begins to act as a kind of indicator for the quality of the institutional environment of the political system, showing how deeply and smoothly it presents the democratic beginning. First come the problems of formation of culture of civil actions, citizenship, and civic consciousness. Particular emphasis is placed on analysis of the value and motivational component that allows you to track changes in the formation of civic participation and to assess the quality and value orientation of civic activism. Based on secondary analysis of sociological data of various large-scale sociological studies, it was shown that the formation of civic consciousness correlates with the process of becoming middle class, generational shifts, to improve the quality of human and social capital. In general, the quality of civil consciousness is inconsistency and ambivalence that reflects the whole contradictory range of conditions of formation of civil society in contemporary Russia.

Keywords: civil society, civic awareness, citizenship, transformation, public policy, democratic institutions, governance, networked society.

References

Abdullin R. Arabskaja revoliucija 2011 [Arabian revolution 2011]. – Moskovsky komsomoletz. 4 maja. Official website. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2011/05/03/586094-arabskaya-revoljutsiya-20.html> [date of visit 12.09. 2013].

Analitichesky doklad Centra strategicheskikh razrabotok «Sredny klass v rentoorientirovannoy ekonomike: pochemu Moskva perestala byt' Rossiey?» [Analytical report of the Center of strategic research “Middle class in conditions of rent economic: why Moscow stopped to be part of Russia]. 2010.

Aron R. Demokratija i totalitarizm [Democracy and totalitarianism]. Moscow, Tekst, 1993. 303 p.

Diligensky G. G. *Differenciacija ili fragmentacija? (O politicheskom soznanii v Rossii) [Differentiation or fragmentation? (On political consciousness)]* – *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 1999, No 10, pp. 66–87.

Doklad o sostojanii grazhdanskogo obschestva v Rossiyskoy Federacii za 2010 god [Report on the state of civil society in Russian Federation in 2010]. Moscow, OP RF, 2010. 82 p.

Erme G. *Avtoritarizm [Authoritarianism]*. – *Politologija vchera i segodnia*. Web-hrestomatija. URL: http://www.tinlib.ru/politika/politologija_hrestomatija/index.php [date of visit 06.05.2014].

Heffe O. *Spravedlivost': filosofskoe vvedenie [Justice: a philosophical intriduction]*. Moscow, Praxis, 2007. 192 p.

Mamardashvili M. K. Piatigorsky A. M. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdenija o soznanii, simvolike i jazyke [Symbol and consciousness. Metaphysical reasoning on consciousness, symbolism and language]*. Moscow, Shkola «Jazyki russkoy kul'tury», 1997. 224 p.

McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch. *Dynamics of Contention*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 432 p.

Nikovskaja L. I., Jakimetz V. N. *Ocenka deystvennosti institutov publichnoy politiki v Rossii [Evaluation of effectiveness of the institutes of public policy in Russia]*. – *Politicheskie issledovanija*, 2013, No 5, pp. 77–87.

Nikovskaja L. I., Jakimetz V. N. *Povyshenie kul'tury publichnoy politiki – vyzov dlja demokraticeskogo razvitija Rossii [Improvement of the culture of public policy – the challenge for democratic development of Russia]*. – *Vlast'*, 2014, No 9, pp. 4–10.

Petrenko E. S., Galitzkaja E. G., Galitzky E. B. *Diagnostika grazhdanskogo klimata rossijskih regionov [Diagnosis of civic climate in Russian regions]* – NRU Higher shool of economics. Official website. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/04/11/1210529570/%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf> [date of visit 29.01.2014]

Petrenko E. S., Galitzky E. B., Galitzkaja E. G. *Potrebitel'skie strategii rossijskih grazhdan [Consumer strategy of Russian citizens]*. – NRU Higher school of economics. Official website. URL: <http://publications.hse.ru/chapters/92271410> [date of visit 5.06.2014].

Petuhov V., Barash R., Sedova N., Petuhov R. *Grazhdansky aktivizm v Rossii: cennosti i formy uchastija [Civil activism in Russia: values and forms of participation]*. – *Vlast'*, 2014, No 9, pp. 11–19.

Shestopal E. B. *Cennostnye harakteristiki rossiyskogo politicheskogo processa i strategii razvitija strany [Value features of Russian political process and strategy of country development]*. – *Politicheskie issledovanija*, 2014, No 2, pp. 61 – 72.

Zubarevich N. N. *Chetyre Rossii [Four Russias]* – Moscow center of political education. Official website. URL: <http://www.msps.su/article/8546> [date of visit 21.04.2014].